

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 130.3

doi: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-2-8

СКОНСТРУИРОВАННАЯ ЭТНОАРХАИКА И АРХЕОАВАНГАРД В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© Александр Иванович Бобков¹, Алексей Анатольевич Гордин²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия; ²Администрация города Иркутска, г. Иркутск, Россия

¹iab71@inbox.ru ²gord33307@gmail.com

Аннотация. Исследуется феномен сконструированной этноархаики, который все чаще начинает выступать элементом меж цивилизационного взаимодействия, якобы преодолевающего кризис идентичности современных этнокультурных сообществ. Отмечается, что за этим феноменом следует восстание меньшинств по характеру ничем не отличающееся от восстания масс. Соотношение археоавангарда и сконструированной этноархаики рассматривается с позиции генеалогического и конструктивистского подходов к этнокультурной субъектности.

Ключевые слова: археоавангард, этнокультурная субъектность, сконструированная этноархаика, русофобия, западоцентризм, историческая память, национализм, этнократия, ксенократия, Великий Другой.

Для цитирования: Бобков А.И., Гордин А.А. Сконструированная этноархаика и археоавангард в контексте осмысления феномена этнокультурной идентичности // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 101. № 6. С. 2-8. doi: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-2-8

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Constructed ethnoarchaic and archaeoavantgarde in the context of understanding the phenomenon of ethnocultural identity

© Alexander I. Bobkov¹, Alexey A. Gordin²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation;

²Administration of the city of Irkutsk, Irkutsk, Russian Federation

¹iab71@inbox.ru ²gord33307@gmail.com

Abstract. The phenomenon of constructed ethnoarchaeics is being investigated, which is increasingly beginning to act as an element of inter-civilizational interaction, allegedly overcoming the identity crisis of modern ethno-cultural communities. It is noted that this phenomenon is followed by a minority uprising, which is no different in nature from the uprising of the masses. The correlation of archaeoavangard and constructed ethnoarchaeics is considered from the perspective of genealogical and constructivist approaches to ethnocultural subjectivity.

Key words: archeoavantgarde, ethnocultural subjectivity, constructed ethnoarchaism, Russophobia, Western centrism, historical memory, nationalism, ethnocracy, xenocracy, Great Other.

For citation: Bobkov A.I., Gordin A.A. Constructed ethnoarchaic and archaeoavantgarde in the context of understanding the phenomenon of ethnocultural identity. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 101. No 6. P. 2-8. doi: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-2-8

Введение

Архаизация обществ современного типа выступает процессом неоднозначным. Причина такой неоднозначности заключается в том, что глобализация так или иначе ставит человека перед вопросом «Кто мы?». Из-под пера различных исследователей выходят многочислен-

ные работы полагающие, что вопрос об удобной идентичности решен раз и навсегда. Однако так ли это на самом деле? Вышел ли человек из лабиринта идентичностей человеком или чудовищно отдаленным от человеческой сущности?

В контексте российской философской культуры современности мы должны быть благодарны В.С. Малахову за то, что он одним из первых обозначил идентичность как неудобную форму поиска себя [8]. В идентичности мы видим сразу два неудобства, первое – это то, что она, по мнению К.А. Свасьяна, опирающегося на концепт «лабиринтный человек» Ф. Ницше, является весьма запутанным концептуально понятием. [9, с. 16]. Второе неудобство – это то, что сегодня, по убеждению Амина Маалуфа, самая, казалось бы, комфортная традиционная идентичность смертоносна [11].

Неудобная идентичность требует от нас того, чтобы мы обращались либо к изобретенной не нами «удобной» идентичности для нас, либо сами начинали изобретать идентичность, где «самость без Я» становится очевидно более удобной для мышления, чем «Я без самости», как заметил Ф.И. Гиренок [3, с. 11].

Обсуждение

Два эти процесса неудобны тем, что в первом случае мы должны установить конструкт этнокультурной идентичности на месте символов ее обретения до процесса заимствования. Или переинтерпретировать непреодолимые символы так, чтобы наше сознание вообще не понимало их изначального смысла. Иначе говоря, символ вообще не должен нас отсылать к наследованию процесса изобретения идентичности. Он должен нам говорить о том, что мы обязаны его самоактуализацией некоему «белому человеку», давшему нам превосходство над кем-то, но не над самим собой. «Познание самого себя» здесь ведется таким образом, что «Мы в прошлом уже не были с ними, а сели и были, то только обреченными на то, чтобы тщательно скрывать свое превосходящее «Мы» от них».

Второй процесс неудобен тем, что доселе вырвавшая нас идентичность потребовала оправдания и усиления перед «восставшими меньшинствами» в условиях обозначения столкновения цивилизаций. Следует отметить, что определявшая ранее смысл человека и творения ценностей идентичность стала подвергаться сомнению. Сегодня в условиях «восстания масс» и «восстания меньшинств» как его продолжения отождествлять себя с «расчеловеченными» идентичностями прошлого опасно, ибо процесс расчеловечивания идентичности не подвергается сомнению.

Традиционная идентичность без обработки «анонимными конструкторами извне» не может содержать в себе ничего иного, кроме демонстрации примитивной объектности, до этого считавшейся субъектом исторической общности. Например, захлестнувшая все постсоветское пространство русофобия ассоциируется с тем, что новое варварство постмодерна происходит от идентифицирующего себя с державой русского народа. Обесценивание символов Российской и Советской цивилизации ведет к тому, что любой малый народ, обретающий идентичность, мгновенно консолидируется за счет отрицания возможности для уважения этнокультурной субъектности русских. Опасна русофобия со стороны инокультурных сообществ, но еще опаснее русофобия со стороны тех, кому исторической судьбой выпало быть русским.

Ведь составляющая русскую идентичность «борьба с Западом» (Н. Страхов) ведется по двум направлениям. Первое направление заключается в том, чтобы наконец разобраться с возможностью с конструирования самобытной социальной реальности на основе «русской идеи». Второе направление заключается в утверждении того, что превосходство Запада является не более чем мифом. И на основе этого следует научиться жить без сравнения себя с Западом, а далее научиться жить без Запада как идеала совсем. И дело не в том, позволит ли это сделать Запад, а в том, что посмеет ли мы сами это сделать? Ведь тот же Запад, если сравнивает себя с кем-то, то только с самим собой в разные исторические эпохи. Европа центр мира для европейца, но не для русского или китайца.

Сложность заключается в том, что историческая память в России сегодня обретается двумя путями. Первый путь может быть обозначен как «путь признания исторической отсталости русской православной цивилизации» фактом. Здесь упование западников на то, что когда эта отсталость будет преодолена путем подражания Западу, мы все же обгоним Запад на пути линейного развития. Поэтому помнить о том, что мы отставали и отстаем в силу того, что Запад нам не сконструировал идентичность, ведет многих к тому, чтобы вообще бояться идентифицировать себя с самобытными конструктами этнокультурной идентичности. В общем, на этом пути, если «прошлое нас толкует», то всегда каким-то ненормальным для человеческой идентичности образом. Этнопсихологически на этом пути наши автостереотипы всегда унижительны для нас, а гетеростереотипы возвышают Запад. Попробуй изменить акценты, и сразу попадешь в разряд «бормочущего объекта» (варвара). Недочеловека.

Мы в том, что внешняя объективная культура, наполненная не нами, кажется нам более богатой и изощренной, нежели наша внутренняя субъективная культура все больше кажущаяся обедненной и небогатой смыслами. Как отмечает Л.Г. Ионин: «Объективная культура становится все богаче, субъективная все беднее. Сравнивая современную ситуацию с ситуацией столетней давности, Зиммель показывает, что окружающие нас и определяющие течение нашей жизни вещи: машины, инструменты, продукты науки и техники, точно так же как идеальные культурные продукты: произведения искусства, выразительные возможности языка – стали богаче, разнообразнее, изощреннее. Однако отсутствует прогресс индивидуальной культуры, даже в высших, эталонных слоях; наоборот, налицо ее падение» [6, с. 52].

Русский народ как субъект в рамках массовой культуры текущей современности вообще какой-то бедный агрессор, стремящийся к покорению и тотальной объективации всего и вся. Но такой ли этот субъект? Он ли в повседневности играет роль носителя исторической памяти? Не перестроен ли он? Может быть он иначе сконструирован – удобно для одних и неудобно для нас? Это не заговор, а скорее всего мощь массовой контркультуры. Скорее всего смертоносность нашей традиционной идентичности связана с тем, что слишком многое в ней не свое, не субъективное. Удобное тем, кто по-прежнему расчеловечивает, объективирует нас.

Второй путь обретения исторической памяти таится в том, что в споре с Европой мы как раз спорим не за право уничтожить ее объектную контркультуру, а за то, чтобы не оспаривать свое историческое право быть самими собой. Предельными субъектами внутреннего опыта во внешней среде. Уничтожение массовых ксенократических меньшинств здесь идет не по принципу их объективации, а по принципу их невозможности в условиях несогласия с принципом превосходства субъектной этнической культуры над массовой объективной культурой.

В прошлом нет подлинности народа субъекта. Тогда вообще ее нет до тех пор, пока Ариадна не выведет из лабиринта или кто-то не разминировать его. Состояние выхода к самому себе во многом и есть уход от исторической памяти в псевдоисторическую. От археоавангарда к сконструированной этноархайке. Если следовать логике модели восстановления этнокультурной памяти, предложенной Я. Ассманом, то она состоит из трех процессов воспоминания, идентичности и культурной преемственности [1, с. 16].

Воспоминание есть правильное обращение к прошлому, а именно не тогда, когда мы толкуем его, а когда оно «толкует нас». Вместе с тем следует различать археоавангардный и этноархайческий типы обращения к прошлому, как толкователю нас.

В археоавангардном дискурсе прошлое ведет нас к мышлению в силу того, что это его цель. Иначе говоря, археоавангард ведет к первоистокам мышления. Самобытного мышления. Как отмечает создатель концепта «археоавангард» Ф.И. Гиренок: «В смысле истории мы, русские, находимся где-то у ее истоков. Все цивилизованные народы ушли в своей истории к реализованному телосу, а мы все еще никуда не ушли и находимся вне истории, у своего начала, у родников народной жизни. Поэтому мы расположены ближе к истине дословно, но дальше всех отстоим от своих целей. Русской философии приходится все время договаривать то, что не ею было сказано» [10, с. 87].

В то время как этноархаическое прошлое к мышлению не ведет, а ведет к воображению того социального врага (класса, народа, партии), который нас заставил перестать быть самими собой. При этом это враг уже указан великим Другим (чаще всего Западом) таким образом, что его искать уже нет необходимости. В этноархайке новосконструированное «Мы» ищет способ превзойти или уничтожить этого врага, а не вернуться к самим себе. Археовангард ищет мыслящий народ, изобретающий самостоятельно и самобытно все структуры этнокультурной системы. При этом изобретение происходит через символы, отсылающие к мышлению. По сути это символы, отсылающие к исторической памяти созерцания первобытия как основе обретения этнокультурной субъектности. Не случайно Ф.И. Гиренок полагает, что «Смысловым центром археовангарда стал антиязык молчания. Антиязык позволил обнаружить время, в котором отсутствует настоящее, но присутствует прошлое как память и будущее как надежда» [10, с. 86].

Археовангард полагает, что обнаружение этнокультурной субъектности происходит в пределах самобытности как нарушенной границы, предопределенной не самим этносом самости. Народ лежит в основании истории как субъект самоопределивший границы самости. Он здесь Великий Другой. Сущность этого осознания заключается в том, что вне границ его самобытности всякий Другой не может быть субъектом, ибо он входит мое самобытие на грани ничто. В археовангарде всегда необходимо обойтись в осознании себя без Другого как объективирующего тебя субъекта. В общем никто не должен подражать и конструировать народ, кроме него самого. Иначе народ не лежит в основании. Он не субъектен. Кроме того, археовангард не утверждает невозможность потерять разум в прошлом, то есть потерять субъектность. Будущее для народа объясняется прошлым лишь тогда, когда подражание не допустимо и инокультурные авторитеты не могут быть авторитетами. Кроме того, идеалы все произведены самостоятельно и во всей полноте.

Сконструированная этноархайка же ищет чужой народ ответственный за то, что эти структуры были утрачены и сегодня не наличествуют. В общем, ущербность этноархайки заставляет утверждать то, что отставание в мышлении сегодняшней этнокультурной общности произошло благодаря тому, что какой-то другой народ совершил разрыв ее «нормального» человеческого этнокультурного развития. В основном здесь превалирует утрата политического суверенитета.

Был ли он на самом деле в этнокультурном сообществе большой вопрос? Его могло и не быть в силу того, что этнокультурная общность вообще не сталкивалась с проблемой исключительного права на насилие, довольствуясь лишь обычным правом. Народ мог не быть историческим субъектом и не испытывать синергии политического вообще. Однако если великому Другому необходимо наполнить прошлое внеисторической этнокультурной общности исторической субъектностью суверенного свойства туда кладется миф. Таким мифом является, например, утверждение того, что «империя монголов и татар имела все признаки европейских империй, хотя образ жизни кочевников сильно отличались от образа жизни оседлых народов Европы. Между тем, пусть и с отставанием на столетие, кочевые народы Центральной Азии образовали вначале Монгольское государство, которое переросло в империю со всеми ее основными признаками» [5, с. 24]. Очевиден тот факт, что признаков европейского характера монгольской империи найти невозможно. Так в «Истории Монгольской народной республики» указывается тот факт, что покоренные монголами народы стояли «на более высоком уровне хозяйственного и культурного развития чем монголы» [7, с. 155].

Утрата монголами состояния исторического этнокультурного субъекта связывается монголоведами с тем, что наиболее талантливую часть в политическом отношении истребили китайцы. Вот что пишут нынешние конструкторы монгольской этноархайки по этому поводу: «Продолжением первого геноцида против монгольского народа можно считать 1388 год, когда китайцы захватили столицу Монголии – Каракорум, полностью сожгли великолепный город и увели в плен 70 000 человек, то есть примерно 1/3 всего населения Монголии в то время. Империя Мин поставила Монгольскую империю на грань исчезновения. Напомню, что Монгольская империя все еще существует, и все ханы признают верховную власть великого хана Юань» [4].

Этноархаика хочет сконструировать агрессивную сепаратистскую массу, необходимую для сведения счетов с геополитическим противником Запада в лице империй, уничтоживших или приостановивших «нормальную» этнокультурную идентичность. Именно эта идентичность предстает в форме некоего этноархаического конструкта, оцененного нормальным и прописанного в истории того народа за национальную независимость коего борется Запад. Истина данного конструкта заключается в том, что он уравнивает этнокультурные сообщества не путем возвышения их до состояния себя, а путем унижения того сообщества, которое стоит с Западом на равных в качестве исторического субъекта. Возвышение экзотического этнокультурного сообщества идет за счет унижения этнокультурной субъектности исторического соперника. Запад всегда остается превосходящим и того, и другого.

Можно ли было представить отношения между двумя этнокультурными субъектами без Запада? Можно, если обозначить сконструированную этноархаику как искажение этнокультурных структур в интересах отказа в возрождении самобытного мышления и воображения. Заменить ее на археоавангард, чтобы понять заблуждение сознания Западного человека и определить его как алгоритмизированное сознание нового варвара. Вспомнить необходимо то, что делает этноархаическую субъектность возвышенной над субъектностью геополитического соперника и делает причастным к общечеловеческой цивилизации Запада в качестве вечно второго, но первого после Запада. Мышление этноархаическое обращается к прошлому в эмоциях превосходства над нынешним бессубъектным сообществом, например, русских. Таким образом, фундаментом сконструированной этноархаики выступает человеческое прошлое сепаратистского сообщества и бесчеловечное прошлое и настоящее народа державного. Это легитимация человеческого будущего для нас, но не для них.

После того как прошлое истолковано так, наступает черед воображаемого сообщества или политического воображения, когда обычай вдруг становится подобным закону, а племенной союз суверенному государству или империи. Например, уподобление кочевому народу монголы оседлому народу римляне с их законами. Или уподобление этноархаической массы украинцы европейским нациям. При этом никакого видения того, что сепаратистский национализм нацию создать не может без вмешательства посредника.

Политическая идентичность в условиях сконструированной этноархаики всегда устанавливает наличие политического суверенитета этнокультурного меньшинства массы через отрицание суверенитета имперского народа как выражения его субъектности вообще. Конечно, имперский характер русской государственности с ее триадой «Бог-Царь-Народ» не подчиняется привычному конструированию наций в силу того, что нации европейские возникали через отрицание своих аристократических империй и заменяли их буржуазными империалистическими нациями. Однако эта инаковость русских используется против них. Русским запрещен унитаризм империи, им навязывается федерализация. Археовангард в данном случае ее сущность определяет так: «Федерализм – один из самых неплодотворных путей развития русского государства, ибо он, как говорит Самарин, обособляет граждан и земли, раздваивает и уничтожает русское государство. Федерализм превращает Россию в гостиницу, в которой русские не находят для себя места. Они лишаются соборного имперского сознания и погибают, ибо национальное сознание у них не сформировано. В федерации центр нигде, а окраины везде. На смену соборному имперскому человеку приходит обособленная национальная личность» [2, с. 202–203].

Археовангард же настаивает на том, чтобы воображаемое сообщество политического характера не должно создавать традицию угодную якобы универсальной модели политического субъекта. Более того, он настаивает на том, что ее не существует. Существует другая традиция, которая обозначается в качестве результата народного мышления, а не слепой воли масс или воли самодержца.

Почему сконструированная этноархаика сегодня пользуется широкой популярностью? Здесь есть два ответа. Первый заключается в том, что с ее помощью можно консолидировать

общество иллюзорной лиминальностью, когда квазиэлита, пришедшая к власти путем грандиозного обмана может и дальше быть своей, поскольку она этноархаичка во многом и привнесла в те народы, которыми она сегодня управляет.

Второй ответ заключается в том, что снижение значимости субъектности во внутренней культуре заменено ее псевдо-субъектной наполненностью за счет возможности иллюзорной объективации культуры других. Например, утверждение украинцами того, что русские не нация или более мощное утверждение того, что вся культура России есть результат усилий представителей этнических меньшинств. Это все происходит от того, что механизм формирования идентичности этноархаического характера выглядит следующим образом: «Русская власть не привлекает к управлению окраинами только русских, боясь обидеть чувства окраинных племен. Поэтому федерализм в России стал легальным способом формирования нерусских (антирусских) национальных элит» [2, с. 203].

Культурная преемственность в контексте сконструированной этноархаики и археоавангарда также различна. Это различие в первую очередь следует определять как различие между традицией изобретения и традицией подражания.

Сконструированная этноархаика всегда в основание кладет традицию подражания. Например, сегодняшние традиции «новых» русских или «великих укров», да и любой другой квазиэлиты этноархаического характера, всегда являются смесью слепого подражания «Великому Гэтсби» и подражания тем мифическим предкам. Предкам, которые в процессе культурного обмена были якобы идентифицированы как выразители равной Западу социальной субъектности. Именно воспоминания об этом иллюзорном равноправии вдохновляет различные этнократии постсоветского пространства, стремящегося стать полностью внероссийским.

Археоавангард всегда стремится изобрести лиминальную традицию способную при помощи самобытного философского мышления вообще отбросить желание превосходства путем созерцания историко-социальной истины. Истины, не наносящей ущерб уникальности истории каждого этнокультурного субъекта и не отменяющей общеисторических закономерностей. Такая археоавангардная практика уравнивания традиций каждого народа ведет к тому, что вопрос о превосходстве вообще исчезает.

Выводы

Таким образом, можно установить тот факт, что сконструированная этноархаика, являясь конструктом эпохи модерна и постмодерна, основана на концепте «превосходства над» и боязни самобытной этнокультурной субъектности. Археоавангард же напротив стремится к лиминальному снижению значимости западоцентризма как этноцентризма замаскированного под универсализм истины. Социальная истина, не уравнивающая прошлое, настоящее и будущее таковой не является. Это и есть сущность археоавангардного подхода как лекарства от этноархаического экстаза и идеологии русофобии постсоветского типа.

Список источников

1. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Гиренок Ф.И.* Самарин и окраины России // *Философия хозяйства*. 2014. № 3. С. 197–203.
3. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. 235 с.
4. *Губин М.* Заговор против монгольского народа? – URL: <https://asiarussia.ru/articles/3539/> (дата обращения 26.09.2023).
5. *Донгак О.Ш., Ширижик В.М.* Основные признаки образования Монгольской империи в XIII в. // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 8 (81). С. 17–24.
6. *Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. М.: СПб.: Университетская книга, 2012. 237 с.
7. *История Монгольской Народной Республики*. М.: Наука, 1983. 661 с.

8. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.
9. Свасьян К.А. Человек в лабиринте идентичностей. М.: Evidentis, 2009. 187 с.
10. Философия русского авангарда / Под ред. Н.Н. Ростовской. М.: РГ-Пресс, 2018. 128 с.
11. *Maalouf A.* Les Identités meurtrières. Paris: Grasset, 1998.

References

12. *Assman Y.* Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / Transl. with him. М.М. Sokolskaya. М.: Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p.
13. *Girenok F.I.* Samarin and the outskirts of Russia // Philosophy of Economics. 2014. No. 3. P. 197–203.
14. *Girenok F.I.* The pleasure of thinking differently. М.: Academic Project, 2008. 235 p.
15. *Gubin M.* Conspiracy against the Mongolian people? – URL: <https://asiarussia.ru/articles/3539/> (access date 09.26.2023).
16. *Dongak O.Sh., Shirizhik V.M.* Main signs of the formation of the Mongol Empire in the 13th century // Current problems of Russian law. 2017. No. 8 (81). P. 17–24.
17. *Ionin L.G.* The revolt of minorities. М.: St. Petersburg: University Book, 2012. 237 p.
18. History of the Mongolian People's Republic. М.: Nauka, 1983. 661 p.
19. *Malakhov V.S.* Inconveniences with identity // Questions of Philosophy. 1998. No. 2. P. 43–53.
20. *Svasyan K.A.* A man in a labyrinth of identities. М.: Evidentis, 2009. 187 p.
21. Philosophy of the Russian avant-garde / Ed. N.N. Rostova. М.: RG-Press, 2018. 128 p.
22. *Maalouf A.* Les Identités meurtrières. Paris: Grasset, 1998.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 28.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 26.10.23; accepted for publication 28.10.23.